

С. А. Нефедов

**К ДИСКУССИИ О РЕФОРМЕ П. А. СТОЛЫПИНА
И УРОВНЕ ЖИЗНИ В РОССИИ НАЧАЛА XX В.**

doi: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-178-184

УДК 930(2):94(47)

ББК 63.3(2)523

Статья посвящена дискуссии об уровне жизни в России начала XX в. в контексте реформы П. А. Столыпина. В ходе этой дискуссии, начавшейся десять лет назад, историки разделились на две группы — «оптимистов» и «пессимистов». «Пессимисты» придерживались традиционной позиции дореволюционных экономистов (и советской историографии) об «оскудении» крестьянства центральных областей России. «Оптимисты» (как западные, так и российские) отстаивали тезис о повышении уровня жизни крестьян. Наиболее известными представителями «оптимистической» школы в России являются Б. Н. Миронов и М. А. Давыдов. В статье анализируется эволюция позиции М. А. Давыдова, о которой можно судить по его статье в журнале «Уральский исторический вестник» (№ 1(66), 2020). Если ранее М. А. Давыдов избегал упоминаний об аграрном кризисе в России начала XX в., то теперь он признает существование «кризиса аграрного перенаселения» и рассматривает реформу Столыпина как попытку смягчить его. М. А. Давыдов утверждает, что эта попытка была удачной, что кризис был смягчен благодаря агротехнологической революции. Однако автор статьи показывает, что в действительности рост урожайности сельскохозяйственных культур не был связан с реформой Столыпина. Наибольший рост урожайности отмечался не в тех губерниях, где интенсивно проводилась реформа.

Ключевые слова: *Россия, начало XX в., уровень жизни, аграрный кризис, аграрное перенаселение, реформа Столыпина, агротехническая революция*

Для постсоветской историографии характерно рассмотрение обсуждавшихся ранее исторических проблем с новых позиций. Вопросы, казалось бы, решенные в предыдущий период, вновь становятся предметом дискуссий, в которых сталкиваются зачастую прямо противоположные точки зрения. Такова дискуссия о динамике потребления в России начала XX в. и о влиянии реформы Столыпина на уровень жизни русского крестьянства.

Истоки этой дискуссии относятся еще к дореволюционным временам, когда в работах известных экономистов, в частности Ю. Э. Янсона и Л. Н. Маресса, был поставлен вопрос о недостаточности доходов крестьянских хозяйств. Этот вопрос стал предметом рассмотрения правительственных комиссий, и Комиссия 1901 года сделала вывод об «оскудении» крестьянства центральных районов. «В районах с преобладающим развитием земледелия, кроме юга и запада, создалось по-видимому такое положение вещей, — говорится в материалах Комиссии. — Надел измельчал и не только не удовлетворяет всем потребностям крестьянина, но при низком уровне земледелия часто

не обеспечивает даже одного продовольствия...».¹ Выводы комиссии сводились к тому, что главной причиной «оскудения» является аграрное перенаселение. Подсчитав общее число рабочих, необходимых для промышленности, ремесла и сельского хозяйства, комиссия нашла, что для 50 губерний Европейской России количество излишних рабочих составляло 23 млн, а доля излишних рабочих от их наличного числа составляла 52%. Особенно высоким этот показатель был в северной части Черноземного района (Тульская, Орловская, Рязанская, Тамбовская, Курская, Воронежская, Пензенская губернии), где он составлял от 64 до 67%.² «Тезис о систематическом понижении уровня жизни крестьян... — отмечает Б. Н. Миронов, — получил поддержку у всех авторитетных исследователей конца XIX — начала XX в.: И. И. Игнатович, А. А. Кауфмана, П. И. Лященко, Н. М. Покровского, Н. Н. Рожкова, А. Финн-Енотаевского и других, включая, конечно, В. И. Ленина, что отразила энциклопедия Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона».³

¹ Материалы Высочайше утвержденной 16 ноября 1901 года Комиссии по исследованию вопроса о движении с 1861 г. по 1900 г. благосостояния сельского населения среднеземледельческих губерний сравнительно с другими местностями Европейской России. СПб., 1903. Ч. 3. С. 277.

² См.: Там же. С. 234.

³ Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII — начало XX века. М., 2010. С. 31, 32.

Советская историография в целом соглашалась с тезисом об «оскудении» российского крестьянства. Например, С. М. Дубровский, повторяя цифры Комиссии 1901 года, писал о том, что половина трудоспособного населения деревни относилась к числу «лишних людей».⁴ А. М. Анфимов подчеркивал, что в центральных районах существовало «колоссальное аграрное перенаселение».⁵

Такой же позиции поначалу придерживалась и западная историография. Так, известный историк и экономист А. Гершенкрон, сравнивая пятилетия 1870–1874 и 1896–1900 гг.,⁶ пришел к выводу об уменьшении душевого потребления хлебов в конце XIX в. Однако в 1960–1970-х гг. в США появилась так называемая «оптимистическая» школа, сторонники которой утверждали, что уровень жизни крестьянства в конце XIX — начале XX в. имел тенденцию к повышению. Например, С. Уиткрофт показал, что (цитировавшийся ранее) результат А. Гершенкрона может быть оспорен: урожаи сильно колебались не только год от года, но и в среднем по пятилетиям, поэтому, выбирая для сравнения другие (нежели у Гершенкрона) пятилетия, можно сделать вывод о росте потребления.⁷ Среди исследований «оптимистического» направления следует особо выделить монографию П. Грегори, которая была переведена в России и на которую ссылаются многие (в том числе и российские) историки.⁸

После распада СССР эта точка зрения получила распространение и в России, и здесь началась дискуссия между «оптимистами» и придерживавшимися традиционной точки зрения «пессимистами». Сигналом к началу дискуссии послужил выход в свет монографии Б. Н. Миронова «Социальная история России периода империи».⁹ Миронов утверждал, что российская историография (как советская, так и до-революционная) создала «негативный миф» об отсталости России, о том, что «государство и бюрократия не заботились об обществе и наро-

де, все или почти все реформы были несостоятельны; самодержавие в XVIII — начале XX в. было институтом, который мешал развитию страны». «Мы, россияне, нуждаемся в *клиотерапии*» (выделено Мироновым), в освобождении от негативных мифов, в действительности развитие России было «поступательным и нормальным», «трехвековой ход российской модернизации оказывается в целом успешным».¹⁰

В конце 2000 г. в редакции журнала «Российская история» состоялось обсуждение книги Миронова, на котором присутствовало 29 историков, в том числе шесть известных западных специалистов, специально приехавших в Москву. Многие участники обсуждения высоко оценивали «Социальную историю». Специалисты выражали удивление огромным количеством привлеченных источников, объемом проделанной работы и масштабами использования статистических данных. Однако было много критических замечаний. «Оптимистические» выводы Миронова иногда рассматривались как защита самодержавия. В. Шолохаев, в частности, заявил: «Перед нами — либерально-консервативная интерпретация истории взаимоотношений власти и общества в имперской России». «Не скрою, больше всего раздосадовали меня авторские рассуждения о “нормальности российского исторического процесса”», — отреагировал В. П. Булдаков.¹¹

Дискуссия приобрела широкий размах, разными авторами были опубликованы десятки статей и несколько монографий. Ход дискуссии подробно изложен в статье Д. В. Камынина и В. В. Запария.¹² Основным аргумент «оптимистов» заключался в увеличении роста новобранцев, имевшем место согласно расчетам Б. Н. Миронова в 1874–1913 гг. Однако оппоненты показали, что в этих расчетах содержится ошибка, и Б. Н. Миронов был вынужден исключить эти данные из своих последних работ. В дальнейшем Б. Н. Миронов отошел от активного участия в дискуссии, и роль лидера «оптимистического» направления перешла к М. А. Давыдову.

М. А. Давыдов является одним из ведущих специалистов в области аграрной истории России начала XX в., поэтому эволюция его взглядов представляет определенный интерес.

¹⁰ Там же. С. 15–17.

¹¹ Российский старый порядок: опыт исторического синтеза. «Круглый стол» // Отечественная история. 2000. № 6. С. 43–93.

¹² Подробнее см.: Камынин В. Д., Запарий В. В. «Оптимисты» и «пессимисты» о причинах Российской революции // История и современное мировоззрение. 2019. Т. 1, № 4. С. 85–99.

⁴ Дубровский С. М. Сельское хозяйство и крестьянство России в период империализма. М., 1975. С. 330.

⁵ Анфимов А. М. Крестьянское хозяйство Европейской России. 1881–1904. М., 1980. С. 229.

⁶ См.: Gershencron A. Agrarian Policies and Industrialisation, Russia. 1861–1917 // The Cambridge Economic History of Europe. London; New York, 1967. Vol. VI. Part 2. P. 778.

⁷ См.: Wheatcroft S. Crises and the condition of the peasantry in late imperial Russia // Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia. Princeton, 1991. P. 128–172.

⁸ См.: Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.). Новые подсчеты и оценки. М., 2003.

⁹ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XIX в.). СПб., 1999. Т. 1.

Последняя статья М. А. Давыдова в рамках ведущейся дискуссии была опубликована в журнале «Уральский исторический вестник».¹³ Эта статья не содержит новых результатов и по большей части представляет собой резюме опубликованной в 2016 г. 1000-страничной монографии «Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте–Столыпина».¹⁴ Однако некоторые акценты в статье расставлены существенно иначе, нежели в монографии.

Прежде всего, необходимо отметить, что в упомянутой монографии М. А. Давыдов избегал использования выражения «аграрный кризис» по отношению к российской ситуации начала XX в. Он принципиально жестко выступал против «парадигмы кризиса», якобы созданной экономистами-«народниками» (Ю. А. Янсоном и др.) и используемой «пессимистической» школой.¹⁵ Точно так же М. А. Давыдов избегал говорить об аграрном перенаселении. Выражение «кризис аграрного перенаселения» встречается в монографии лишь дважды, притом не в прямой речи автора, а в цитатах из книги Б. Д. Бруцкуса.¹⁶

Однако статья в «УИВ», по-видимому, свидетельствует об изменении позиции автора. О «кризисе аграрного перенаселения» здесь говорится прямо в аннотации, причем указывается, что он имел место «прежде всего в северно-черноземных губерниях», что он привел к «аграрным погромам 1905 г.» и вынудил власти к реформам, связанным с именем П. А. Столыпина.¹⁷ Помимо того, используется и выражение «аграрный кризис».¹⁸ М. А. Давыдов прямо пишет, что «реформа... начала успешное решение главной проблемы Российской империи — аграрной, за счет массового внедрения частной крестьянской собственности, интенсификации и роста сельскохозяйственного производства, повышения благосостояния крестьянства и сокращения аграрного перенаселения».¹⁹ Этот сдвиг позиции М. А. Давыдова от отрицания «парадигмы кризиса» к признанию наличия «кризиса аграрного перенаселения» очевидным образом сближает ее с традиционной позицией совет-

ской историографии и с позицией его оппонентов, писавших о кризисе, вызванном аграрным перенаселением.²⁰

Важно, что в статье М. А. Давыдова проблема повышения уровня жизни рассматривается в контексте проблемы аграрного перенаселения. Рассмотрев некоторые свидетельства повышения благосостояния крестьянства, М. А. Давыдов пишет: «Полагаем, мы вправе сделать следующий вывод: поскольку в конечном счете весь смысл преобразований П. А. Столыпина сводился к тому, что обретенная людьми свобода позволяла поднять благосостояние деревни, увеличить крестьянский достаток, постольку мы можем констатировать бесспорный успех реформы в деле преодоления аграрного перенаселения».²¹

На какие свидетельства повышения благосостояния ссылается М. А. Давыдов? Здесь мы также наблюдаем некоторое смещение акцентов. Ранее одним из главных тезисов М. А. Давыдова было повышение расходов населения на алкоголь. Однако А. В. Островский, более подробно рассмотрев этот вопрос, показал, что за 1863–1910 гг. душевое потребление водки уменьшилось в полтора раза, а расходы на ее приобретение в расчете на душу и с учетом инфляции не увеличились, а уменьшились.²² Теперь М. А. Давыдов лишь мимоходом, в одном предложении, упоминает об увеличении питейных доходов казны, не упоминая об инфляции.²³ Другой аргумент М. А. Давыдова — это увеличение оплаты поденных работников. «Успешное течение реформы, — пишет М. А. Давыдов, — подтверждает также и бесспорный факт роста зарплаты сельскохозяйственных рабочих-отходников в 1906–1913 гг. Цены на труд всех категорий работников во все периоды сельскохозяйственных работ повсеместно увеличиваются».²⁴ Далее дается ссылка на упомянутую монографию, где приводятся данные о зарплате сельскохозяйственных рабочих в 1901–1905, 1906–1910 и 1909–1914 гг. — но, опять же, без учета инфляции.²⁵ Если же учесть рост цен на рожь и пересчитать плату

¹³ Давыдов М. А. Аграрная реформа П. А. Столыпина: основные направления и историческое значение // Урал. ист. вестн. 2020. № 1 (66). С. 27–36.

¹⁴ Он же. Двадцать лет до Великой войны. Российская модернизация Витте–Столыпина. СПб., 2016.

¹⁵ См.: Там же. С. 16, 46, 439.

¹⁶ См.: Там же. С. 331, 495.

¹⁷ См.: Давыдов М. А. Аграрная реформа П. А. Столыпина... С. 27.

¹⁸ См.: Там же. С. 33.

¹⁹ Там же. С. 27.

²⁰ См., напр.: Анфимов А. М. Указ. соч. С. 229–232; Островский А. В. Российская деревня на историческом перепутье. Конец XIX — начало XX в. М., 2016. С. 331–338.

²¹ Давыдов М. А. Аграрная реформа П. А. Столыпина... С. 33.

²² См.: Островский А. В. Процветала ли Россия накануне Первой мировой войны? СПб., 2016. С. 71–90.

²³ См.: Давыдов М. А. Аграрная реформа П. А. Столыпина... С. 33.

²⁴ Там же. С. 33.

²⁵ См.: Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны...

С. 810. В приводимой на этой странице таблице имеется опечатка: вместо 1901–1906 надо читать 1901–1905.

в период сбора урожая в пуды ржи, то окажется, что по сравнению с 1906–1910 гг. плата действительно возросла, но она была примерно такой же, как в 1901–1905 гг., и меньше, чем в 1896–1900 гг.²⁶

Главный аргумент М. А. Давыдова в пользу повышения благосостояния — это увеличение вкладов населения в сберегательных кассах; рассмотрению этого вопроса посвящена значительная часть статьи. Однако против использования этого аргумента выступали еще специалисты из Комиссии 1901 года: «Едва ли осторожно было бы какое-либо решительное заключение о благосостоянии сельского населения на основании данных о движении вкладов в сберегательных кассах. Невозможность выделить вклады, сделанные собственными крестьянами, зависимость размера вкладов от числа касс и близости их к населению, наконец, то обстоятельство, что кассы (как это видно из значительного размера вкладов на одно лицо) служат не столько массе населения, сколько верхним по достатку его слоям — все это приводит к заключению, что данные... не могут служить прочным основанием о движении благосостояния населения».²⁷ Действительно, при рассмотрении конкретной динамики вкладов сельского населения северных-черноземных губерний можно заметить, что в 1898–1914 гг. вклады увеличились в 30–38 раз (!). Притом, например, в Рязанской губернии сумма вкладов была вдвое выше, чем в Воронежской губернии.²⁸ Следует ли отсюда, что в Рязанской губернии уровень жизни был вдвое выше? Можно ли использовать такие материалы для оценки благосостояния населения? Разумеется, нет. Эти материалы говорят лишь о том, что прежде зажиточные крестьяне хранили свои деньги за иконой, а теперь соблазнились возможностью получить небольшой процент за хранение в кассе. Эти цифры говорят лишь о расширении сберегательного дела и финансового предпринимательства.

Однако возникает вопрос: почему М. А. Давыдов для доказательства увеличения благосостояния использует такие косвенные и ненадежные свидетельства? Ведь известно, что 1912 и 1913 гг. были исключительно урожайными, и остаток зерновых после выво-

за и посева существенно увеличился — стало быть, увеличилось и потребление. Проблема заключается в том, что, как показали исследования, наибольший рост урожаев наблюдался не в тех губерниях, где наиболее интенсивно проводилась Столыпинская реформа. Корреляция между процентом выхода из общины и ростом урожайности зерновых была равна нулю.²⁹ М. А. Давыдов воспринял эту аргументацию своих оппонентов. «Понятно, что реформа не изменила и не могла радикально изменить ситуацию в зерновом хозяйстве: для этого прошло слишком мало времени...» — констатирует М. А. Давыдов.³⁰

Тем не менее М. А. Давыдов утверждает, что в России происходила агротехнологическая революция. Она пока не сказывалась в зерновом хозяйстве, но наблюдалась в других областях сельского хозяйства: «Вместе с тем совершенно бесспорны все сильнее нарастающие благодаря реформе позитивные перемены практически во всех остальных сферах сельского хозяйства, в частности рост урожайности и сборов технических и трудоемких культур: льна, конопли, табака, картофеля, подсолнечника, кукурузы, свекловицы...»³¹ Действительно, наблюдался рост производства трудоемких и технических культур, но он наблюдался еще с конца XIX в., и возникает естественный вопрос: насколько этот рост был связан с реформой Столыпина? В таблице приведены данные о росте производства конопли (пеньки) и картофеля в 1910–1914 гг. по сравнению с 1901–1905 гг. (100 %).

Из таблицы видно, что, как и в случае зерновых, наибольший рост производства наблюдался не в тех губерниях, где более активно проводилась реформа. Коэффициент корреляции между экономическими показателями и показателями выхода из общины практически равен нулю. Отсюда, очевидно, следует, что проведение реформы еще не отразилось на производстве указанных культур. Говорить об агротехнологической революции было еще рано, тем более что в этот период в животноводстве отмечались кризисные явления, количество скота на душу населения сокращалось.³² «За межреволюционный период никакого экономического переворота в русской деревне

²⁶ См.: Нефедов С. А. История России. Факторный анализ. М., 2011. Т. 2. С. 439, 522.

²⁷ Материалы... С. 265.

²⁸ См.: Давыдов М. А. Двадцать лет до Великой войны... С. 103б.

²⁹ См.: Нефедов С. А. Уровень жизни населения и аграрное развитие России в 1900–1940 годах. М., 2017. С. 127.

³⁰ Давыдов М. А. Аграрная реформа П. А. Столыпина... С. 32.

³¹ Там же.

³² См.: Дубровский С. М. «Столыпинская реформа». Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л., 1925. С. 85.

Таблица

**РОСТ ПРОИЗВОДСТВА ПЕНЬКИ И КАРТОФЕЛЯ
В СРАВНЕНИИ С ДАННЫМИ О РЕЗУЛЬТАТАХ РЕФОРМЫ СТОЛЫПИНА**

Губерния	Рост производства пеньки, %	Рост производства картофеля, %	% вышедших из общины	% земли у вышедших
Курская	98	134	44	28
Орловская	109	117	39	26
Тульская	103	117	22	15
Рязанская	87	125	17	9
Воронежская	115	130	20	13
Пензенская	138	167	25	16
Тамбовская	107	129	24	14
Корреляция с ростом производства пеньки			-0,03	0,00
Корреляция с ростом производства картофеля			-0,03	-0,08

Источник: Дубровский С. М. «Столыпинская реформа». Капитализация сельского хозяйства в XX веке. Л., 1925. С. 276–277. Рост производства подсчитан по: Сборник статистико-экономических сведений по сельскому хозяйству России и иностранных государств. Год девятый. Петроград, 1916. С. 6–8, 121.

не произошло, — подчеркивает С. М. Дубровский. — Наметилась лишь тенденция к этому перевороту».³³

Таким образом, производство и потребление увеличивались, но было бы слишком поспешным приписывать эти успехи реформе Столыпина. Урожай в России чрезвычайно сильно зависели от погодных условий, хорошая погода благоприятствовала урожаям 1912 и 1913 гг., однако эти урожаи были наиболее изобильны не там, где наиболее интенсивно проводилась реформа.

Вернемся к проблеме аграрного перенаселения. М. А. Давыдов пишет, что «мы можем констатировать бесспорный успех реформы в деле преодоления аграрного перенаселения».³⁴ Удалось ли Столыпину ослабить перенаселение в деревне? На этот вопрос можно ответить с помощью простого расчета. За 1906–1913 гг. из деревень Европейской России выбыло 4,1 млн крестьян, продавших землю и ушедших в города; еще 2,6 млн переселились за Урал; в сумме выбытие составило 6,7 млн чел. Однако за это же время естественный прирост составил 14,1 млн; в итоге за восемь лет деревенское население возросло на 7,5 млн чел., или на 7,3%.³⁵ Как отмечалось выше, Комиссия 1901 года определяла численность излишних рабочих в 23 млн, что составляло 52 % всей

рабочей силы; по расчетам А. М. Анфимова, произведенным по той же методике, в 1913 г. имелось 32 млн «лишних» рабочих, что составляло 56 % всей рабочей силы.³⁶ Однако в северно-черноземных губерниях, в очаге аграрного перенаселения, мероприятия правительства оказали сравнительно больший эффект, нежели в других регионах. Для Тамбовской губернии, как показал А. А. Иванов, в 1912 г. доля излишних работников осталась той же, что и 12 лет назад, и ситуация во всяком случае не ухудшилась.³⁷ Можно согласиться с М. А. Давыдовым в том, что направленная на преодоление аграрного перенаселения реформа добилась определенного успеха, хотя и трудно назвать этот успех «бесспорным».

Тем не менее можно констатировать, что отмеченные сдвиги в позиции М. А. Давыдова показывают, что длительная дискуссия между «оптимистами» и «пессимистами» в конце концов привела к сближению позиций. Один из лидеров партии «оптимистов», ранее жестко критиковавший «парадигму кризиса», признал наличие «кризиса аграрного перенаселения» и, более того, указал, что преодоление этого кризиса было одной из основных задач реформы П. А. Столыпина. Нет сомнения, что дискуссии в исторической науке полезны для формирования объективного взгляда на исторические процессы.

³³ Там же. С. 87.

³⁴ Давыдов М. А. Аграрная реформа П. А. Столыпина... С. 33.

³⁵ Посчитано по: Анфимов А. М. Крупное помещичье хозяйство Европейской России (конец XIX — начало XX веков). М., 1969. С. 370, 371.

³⁶ См.: Там же. С. 371.

³⁷ См.: Иванов А. А. Крестьянское хозяйство Черноземного Центра России накануне и в годы первой мировой войны: дис. ... канд. ист. наук. М., 1998. С. 46, 47, 83.

Sergey A. Nefedov

Doctor of Historical Sciences, Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the RAS (Russia, Ekaterinburg)

E-mail: *hist1@yandex.ru*

TO THE DISCUSSION ON THE STOLYPIN REFORMS AND LIVING STANDARDS
IN RUSSIA AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

The article is devoted to the discussion on living standards in Russia at the beginning of the 20th century in the context of the P. A. Stolypin reform. This discussion has been ongoing for ten years ago and divided historians into two groups, “optimists” and “pessimists”. The “pessimists” adhered to the traditional position of pre-revolutionary economists (and Soviet historiography) about the “impoverishment” of the peasantry in the central regions of Russia. The “optimists” (both Western and Russian) defended the thesis of raising the peasants’ living standards. The most famous representatives of the “optimistic” school in Russia are B. N. Mironov and M. A. Davydov. The article analyzes the evolution of M. A. Davydov’s position, which can be judged by his latest article in “Ural Historical Journal”. If previously Davydov avoided mentioning the “agrarian crisis” in Russia at the beginning of the 20th century, now he recognizes the existence of a “crisis of agrarian overpopulation” and considers the Stolypin reform as an attempt to mitigate this crisis. Davydov claims that this attempt was successful and the crisis was mitigated thanks to the “agrotechnological revolution”. However, the author of the article shows that in reality, the increase in crop yields was not associated with the Stolypin reform. The greatest increase in productivity was noted not in those provinces where the reform was carried out most intensively.

Keywords: *Russia, beginning of the 20th century, standard of living, agricultural crisis, agricultural overpopulation, Stolypin reform, agrotechnical revolution*

REFERENCES

- Anfimov A. M. *Krest'yanskoe hozyajstvo Evropeyskoy Rossii. 1881–1904* [The Peasant economy of European Russia. 1881–1904]. Moscow: Nauka Publ., 1980. (in Russ.).
- Anfimov A. M. *Krupnoe pomeshchich'e hozyajstvo Evropeyskoy Rossii (konets XIX — nachalo XX vekov)* [Large landowner economy of European Russia (the end 19th — beginning 20th centuries)]. Moscow: Nauka Publ., 1969. (in Russ.).
- Davydov M. A. [P. A. Stolypin’s agrarian reform: main directions and historical significance]. *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Journal], 2020, no. 1 (66), pp. 27–36. DOI: 10.30759/1728-9718-2020-1(66)-27-36 (in Russ.).
- Davydov M. A. *Dvadsat' let do Velikoy voyny. Rossiyskaya modernizatsiya Vitte–Stolypina* [Twenty years before the Great War. Russian modernization of Witte–Stolypin]. Saint Petersburg: Aleteyya Publ., 2016. (in Russ.).
- Dubrovskiy S. M. “Stolypinskaya reforma”. *Kapitalizatsiya sel'skogo khozyaystva v XX veke* [“Stolypin’s reform”. Capitalization of agriculture in the 20th century]. Leningrad: Priboy Publ., 1925. (in Russ.).
- Dubrovskiy S. M. *Sel'skoe hozyaystvo i krest'yanstvo Rossii v period imperializma* [Agriculture and the Peasantry of Russia in the period of Imperialism]. Moscow: Nauka Publ., 1975. (in Russ.).
- Gerschencron A. Agrarian Policies and Industrialisation, Russia. 1861–1917. *The Cambridge Economic History of Europe*. London; New York, Cambridge: Cambridge University Press, 1967, vol. VI, part 2, pp. 706–800. (in English).
- Gregory P. *Ekonomicheskij rost Rossiyskoy imperii (konets XIX — nachalo XX v.) Novyye podschety i otsenki* [Economic growth of the Russian Empire (end of 19th — beginning of 20th century) New calculations and estimates]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2003. (in Russ.).
- Ivanov A. A. *Krest'yanskoye khozyaystvo Chernozemnogo Tsentra Rossii nakanune i v gody pervoy mirovoy voyny: kand. diss.* [Peasant economy of the Chernozem Center of Russia on the eve and during the First World War: Diss. Cand.]. Moscow, 1998. (in Russ.).
- Kamynin V. D., Zapary V. V. [“Optimists” and “pessimists” about the reasons of the Russian revolution]. *Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie* [History and modern perspectives], 2019, vol. 1, no. 4, pp. 85–99. (in Russ.).

Mironov B. N. *Blagosostoyaniye naseleniya i revolyutsii v imperskoy Rossii: XVIII — nachalo XX veka* [The Standard of Living and Revolutions in imperial Russia: 18th — beginning of the 19th]. Moscow: Novyy khronograf Publ., 2010. (in Russ.).

Mironov B. N. *Social'naya istoriya Rossii perioda imperii (XVIII — nachalo XIX v.)* [The Social History of Imperial Russia (18th — beginning of 19th)]. Saint Petersburg: Dmitriy Bulanin Publ., 1999. (in Russ.).

Nefedov S. A. *Istoriya Rossii. Faktornyy analiz* [History of Russia. Factor analysis]. Moscow: Territoriya budushchego Publ., 2011, vol. 2. (in Russ.).

Nefedov S. A. *Uroven' zhizni naseleniya i agrarnoe razvitie Rossii v 1900–1940 godakh* [The standard of living and agrarian development of Russia in 1900–1940]. Moscow: Delo Publ., 2017. (in Russ.).

Ostrovskiy A. V. *Prosvetala li Rossiya nakanune Pervoy mirovoy voyny?* [Did Russia Prosper on the eve of the First World War?]. Saint Petersburg: Poltorak Publ., 2016. (in Russ.).

Ostrovskiy A. V. *Rossiyskaya derevnya na istoricheskom pereput'e. Konets XIX — nachalo XX v.* [Russian village at the historical crossroads. The end of 19th — beginning of 20th century]. Moscow: KMK Publ., 2016. (in Russ.).

[The old Russian order: the experience of historical synthesis. “Round table”]. *Otechestvennaya istoriya* [Domestic History], 2000, no. 6, pp. 43–93. (in Russ.).

Wheatcroft S. Crises and the condition of the peasantry in late imperial Russia. *Peasant Economy, Culture, and Politics of European Russia*. Princeton: Princeton University Press, 1991, pp. 128–172. (in English).